

К ГНОСЕОЛОГИИ И ЭТИКЕ ПОСТ-ПОСТМОДЕРНА: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЕКТ К.-О. АПЕЛЯ

В статье освещается коммуникативный проект К.-О. Апеля как одно из проявлений пост-постмодернистского философско-культурологического поворота. Автор рассматривает концепцию К.-О. Апеля в двух ее аспектах: как методологическое обоснование гносеологических оснований познания и как путь к рациональному аргументированию этических регулятивов в современной культуре. При этом автор указывает на то, что концепция К.-О. Апеля в рамках пост-постмодерна является показателем возврата европейской культуры к таким конститутивным фундаментальным ценностям, как гносеологический оптимизм, онтологический статус слова и метод антитетического мышления.

Введение. Постмодернистское отрицание познавательных возможностей человека стало причиной коренных трансформаций ценностных оснований европейской культуры. Так, постулирование отсутствия связи между системами знаний, закрепленных в знаковых средах, и реальностью привело к деонтологизации языка, невозможности оперировать понятием истины и отсутствию гносеологически легитимных абсолютов, позволяющих мыслить на основании антитетического противопоставления. В результате последовательному разрушению подверглись различные культурные системы, в том числе – идентификационная и этическая. Необходимость преодоления создавшегося кризиса актуализировала научный поиск гносеологических оснований, позволяющих, с одной стороны, установить связь между языковой системой и действительностью, а с другой – прийти к рациональному решению проблем этической нормативности и личностной идентификации. В результате сформировалась пост-постмодернистская культурная парадигма, одним из оснований которой является коммуникативная программа К.-О. Апеля.

Одним из проявлений актуальности концепции К.-О. Апеля является ее вхождение в поле зрения широкой научной общественности. Так, Р. Дж. Бернстайн отмечает методологическую укорененность работ К.-О. Апеля в американском прагматизме Ч. Пирса [3]. М. Е. Соболева исследует потенциал коммуникативной теории К.-О. Апеля как одного из философских направлений, развивающегося в парадигме лингвистического поворота [9]. А. В. Назарчук анализирует подход К.-О. Апеля с точки зрения поиска внеисторических нормативных регулятивов, позволяющих оценивать и сдерживать общественное развитие [5]. Антагонистический взгляд на коммуникативный подход К.-О. Апеля представлен в работах А. Н. Павленко, рассматривающего гносеологический потенциал концепции К.-О. Апеля и делающего вывод в пользу гносеологического скептицизма [7; 8]. В белорусском научном пространстве концепция К.-О. Апеля представлена в работах М. А. Можейко, которая рассматривает коммуникативную программу философа в контексте метапарадигмального культурно-философского движения от постмодерна к пост-постмодерну и указывает на связанные с этим трансформации статуса языковой системы [4].

Однако следует отметить, что при исследовании подхода К.-О. Апеля в стороне от научного внимания осталось рассмотрение его концепции с точки зрения реактуализации в ней являющихся конститутивными для западного цивилизационного пространства традиционных европейских ценностей: гносеологического оптимизма, онтологического статуса языка и антитетического мышления. Кроме этого в культурной ситуации постмодернистского релятивизма особо актуальными являются дальнейшая научная разработка этической парадигмы проекта К.-О. Апеля и поиск путей ее внедрения в культурное пространство.

Целями данной статьи являются выявление на примере концепции К.-О. Апеля общих тенденций пост-постмодернистской культуры, проявляющихся в возвращении к традиционной европейской когнитивной ценностной системе; а также нахождение путей, на основании которых возможно преодоление образовавшихся в постмодернизме

кризисных явлений, касающихся областей этического сознания и личностной идентификации.

Основная часть. Анализируя предлагаемую К.-О. Апелем коммуникативную программу, прежде всего следует отметить, что ученый видит задачу философии в том, чтобы «разработать понятие языка, которое критически осмыслит все донныне имевшие место методически-абстрактные тематизации языка, позволит оценить значение тех результатов, к которым могут привести эти тематизации, и, кроме того, воздаст должное рефлексии над языковыми предпосылками самой философии» [1, с. 239]. Язык как уникальный феномен культуры становится кардинальным объектом философской рефлексии, вокруг которого К.-О. Апель выстраивает свою концепцию.

Вербальную систему К.-О. Апель рассматривает как культурную первооснову, универсальную матрицу, на основании которой создается широчайший спектр культурных феноменов. Так, по К.-О. Апелью, суть поэзии, философии и религии непостижима «вне зависимости от историчности языка, а тем самым – и истины (как наглядно-значительного раскрытия мира)»; согласно его мнению, «поэзия, философия и религия (соответственно – предшествующий им всем миф) раскрывают и обосновывают уже присутствующую в языке публичную истолкованность человека и мира» [1, с. 55]. При этом языковая реальность пронизывает не только культурное пространство, но и человеческое сознание. Подчеркивая тотальную погруженность человека в вербальную среду, К.-О. Апель указывает на то, что «если даже <...> интуитивно усматриваемая сущность поначалу еще невыразима, то, раскрываясь вообще как отчетливое значение из единого “бытия”, она входит в сферу влияния языковой структуры» [1, с. 24].

Вербоцентричность философствования К.-О. Апелья определяет характер и решаемых им гносеологических проблем. Именно языковая природа человеческого сознания и мышления составляет фундамент, на котором строится концепция философа, центральной опорой которой является понятие коммуникативного сообщества. К последнему он приходит путем трансформирования триадической схемы семиозиса (субъект – знак – объект). Рассматривая интерпретатора знаков не как изолированную систему, но как конституируемого в языковой среде корпоративного субъекта (интерсубъекта), К.-О. Апель постулирует коммуникативное сообщество интерпретаторов в качестве трансцендентального априори познания. В результате схема семиозиса приобретает следующий вид: [субъект-язык-субъект] – знак – объект. Тем самым, по К.-О. Апелью, «Кантова критика познания как анализ сознания оказалась преобразованной в критику смысла как анализ знаков; “высшим пунктом” же последней является не достижимое уже теперь объективное единство *представлений* в полагаемом как интерсубъективное “сознании вообще”, а единство взаимопонимания в неограниченном интерсубъективном консенсусе, со временем достижимое путем последовательной интерпретации знаков» [1, с. 177].

В результате это означает, что взамен «“высшего пункта” теории познания Канта – “трансцендентального синтеза апперцепции” как единства предметного сознания (Gegenstandsbewusstseins)» в концепции К.-О. Апелья позиционируется «конституирующий общественную значимость познания *трансцендентальный синтез опосредованной языком интерпретации* как единство взаимопонимания в определенном коммуникативном сообществе относительно чего-либо» [2, с. 218]. Тем самым проблему ограниченности человеческого познания К.-О. Апель решает за счет суммирования познавательных ресурсов в сообществе субъектов, консенсус которых относительно структур бытия позволит максимально приблизить понимание мира к истинному положению вещей.

При этом ученый, руководствуясь пониманием необходимости существования абсолютной структуры, придающей смысл коммуникативному сообществу, а также необходимости наличия телеологического аттрактора, задающего вектор развития и указывающего цель сообществу субъектов познания, вводит понятие идеального коммуникативного сообщества. В рамках последнего предполагается идеальная ситуация абсолютного познания и безошибочного понимания – как эталон и возможный предел развития реального коммуникативного сообщества. Вхождение в реальное коммуникативное сообщество происходит в ходе социализации, в то время как идеальное коммуникативное сообщество антиципируется в процессе аргументации коммуникативных партнеров. По К.-О. Апелью, «идеальное коммуникативное сообщество

<...> должно быть в состоянии адекватно понимать смысл <...> аргументов и окончательно выносить суждения об их истинности» [1, с. 329–330]. В конечном итоге оппозиция *реальное* коммуникативное сообщество – *идеальное* коммуникативное сообщество представляет собой реактуализацию антитетического противопоставления, а «поле напряжения между реальным и идеальным коммуникативным сообществом», как отмечает А. В. Назарчук, «может быть рассмотрено как поле напряжения между сущим и должным» [6].

Следует подчеркнуть, что введением понятия идеального коммуникативного сообщества К.-О. Апель доказывает свою приверженность традиционной западноевропейской ценности гносеологического оптимизма, поскольку именно принятие возможности достоверного познания мира позволяет помыслить момент в пространственно-временном континууме, в которой системы человеческого знания будут идентичны структурам реального мира.

На основании изложенного выше становится очевидным, что смысл в понимании философа перестает ограничиваться областью безличностной метафизической онтологии и дополняется сферой экзистенции Другого, т. е. коммуникативного партнера. Если текст в допостмодернистской традиции было принято соотносить с метафизической реальностью, а в постмодернистской традиции текст утрачивает связь вообще с каким-либо означаемым, то пост-постмодернистская традиция в лице К.-О. Апеля предлагает соотносить языковые высказывания не только с внетекстовым референтом, но также сверять свою интерпретацию с толкованием данного текста другим/ми субъектом/ами. Тем самым в качестве гаранта онтологической обеспеченности языковых единиц выступает консенсус коммуникативного сообщества. При этом расширяется роль языка. Последний, как отмечает М. А. Можейко, уже «понимается не в контексте субъект-объектных процедур прагматического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций», т. е. «язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством (что означало бы – соответственно – объективистскую или субъективистскую его акцентировку), сколько медиатором понимания в контексте языковых игр» [4, с. 69]. В результате «апелевская версия постмодернистской парадигмы смягчает примат “судьбоносного означаемого” (Ж. Лакан) над означаемым, восстанавливая в правах классическую для философской герменевтики и генетически восходящую к экзегетике презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у К.-О. Апеля презентацией содержания коммуникативной программы игрового и коммуникативного партнера» [4, с. 69]. А это означает, что понятие истины переносится с внеположенной человеку системы значений и смыслов и вводится в самую сердцевину человеческого взаимодействия. Как отмечает К.-О. Апель, «до “абстрактных ошибочных умозаключений” дело доходит лишь тогда, когда мы хотим считать истину предикатом *предложений* некоей *семантической системы*, а не *высказываний, утверждаемых в речевых актах* аргументирующих субъектов» [1, с. 310].

Решение фундаментальных философских проблем, связанных с процессом и критериями познания истины, позволяет К.-О. Апелю предложить оригинальный подход и к решению проблем прикладного характера, в частности, он осуществляет попытку сформулировать принципы, на основании которых было бы возможно построение рационально обоснованной этической системы.

Трудность же подобного обоснования состоит прежде всего в необходимости построения универсальной системы в пространстве культуры, неприемлющей никаких притязаний на абсолютность знания и тотально отвергающей на этом основании все возможные инстанции проверки. Однако К.-О. Апель предлагает рассматривать данные человеку правила не как диктат обезличенной абстрактной идеологической системы, но как антропо-личностные границы экзистенции партнеров коммуникативной практики, выраженные посредством лексических единиц языковой системы. Так, по К.-О. Апелю, «в качестве постулируемой контрольной инстанции следования людей правилам вообще может рассматриваться только *идеальная* (в нормативном смысле) *языковая игра идеального коммуникативного сообщества*» [2, с. 212]. По его мнению, подобная языковая игра способна выступать в качестве абсолютного метауровня, выполняющего

роль инстанции контроля. Более того, философ считает, что именно феномен языковой игры представляет собой рубеж между пространством смысла и сферой утраты всякого различия вообще: «различные языковые игры или жизненные формы <...> являются предельными трансцендентальными горизонтами и мерилami возможных норм и их нарушений» и «за пределами этих горизонтов нет *критериев* истинного и ложного или же хорошего и дурного» [1, с. 225]. Следовательно, решение проблемы нахождения инстанции нравственного регулирования К.-О. Апель видит в том, чтобы «в рефлексивном стремлении к самопониманию выявлять возможную критику со стороны коммуникативного сообщества»: в этом, по К.-О. Апелю, «состоит принцип возможной моральной самотрансценденции» [1, с. 335]. В конечном итоге ученый предлагает «*два основополагающих регулятивных принципа*», которые, по его мнению, могут служить ориентирами для построения вектора «долгосрочной моральной стратегии поведения каждого человека»: прежде всего, «во всем его поведении речь должна идти о том, чтобы обеспечить *выживание* рода человеческого как *реального* коммуникативного сообщества», и затем «о том, чтобы воплотить в реальном коммуникативном сообществе *идеальное*» [1, с. 331]. Разъясняя внутренние отношения позиционируемых принципов, К.-О. Апель отмечает: «первая цель является необходимым условием для второй; а вторая цель придает первой ее смысл» [1, с. 331]. Именно направленность на «обеспечение выживания рода», по мнению философа, способна «дать ответ» на угрозу современности, заключающуюся «в том, что в эпоху научной технологии любая человеческая деятельность имеет *макропоследствия*, которые могут угрожать выживанию рода»; и вместе с тем «стратегия выживания в целом <...> обретает смысл лишь благодаря (требуемой аргументацией) стратегии общественной реализации идеального коммуникативного сообщества, где можно достигнуть истины» [1, с. 331–332]. Тем самым К.-О. Апель связывает в единое целое реальное и идеальное коммуникативные сообщества, признавая их антитетическую противоположность и вместе с тем диалектическую неразрывность и показывая при этом потенциал этих понятий в решении проблемы этического регулирования.

Также следует отметить и эффективность теории К.-О. Апеля в решении проблемы личностной идентификации, ставшей одной из самых острых проблем постмодернистского кризиса.

Решая проблему построения этической системы, К.-О. Апель снабжает современную культуру необходимым инструментарием и для решения проблемы личностной идентификации. К такому выводу можно прийти, если рассматривать этику не как свод внеположенных человеку предписаний, а как параметры должных границ человеческой экзистенции. Следовательно, выстраивая этическую систему на основании взаимодействия реального и идеального коммуникативных сообществ, К.-О. Апель приходит к базовому обоснованию и должного образа человека: он должен инкорпорироваться в реальное коммуникативное сообщество, руководствоваться во всех своих действиях целью сохранения жизни этого сообщества и ориентироваться на будущее – идеальное коммуникативное сообщество как исторический момент, в котором социум придет к постижению истины.

Кроме этого идентификационный потенциал имплицитно присутствует в самом понятии реального коммуникативного сообщества. Поскольку субъект познания и интерпретации в концепции К.-О. Апеля не мыслит себя в гносеологическом одиночестве, но должен соотносить свою интерпретацию мира с интерпретацией коммуникативных партнеров, то корпоративная интересубъективность становится критерием для идентификации. Коммуникативный Другой становится системой координат, относительно которой субъект познания выстраивает свою личностную идентичность. Так, характеризуя коммуникативный проект К.-О. Апеля, М. А. Можейко отмечает, что «в основе этой программы лежит фундаментальная для нее идея о том, что расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений – посредством Другого» [4, с. 68]. Это означает, что «современный постмодернизм задает концепту «Другой» новую (коммуникационную) интерпретацию, в системе отсчета которой реальность языка перестает быть для постмодернизма самодовлеющей» и, следовательно, согласно «формулировке пост-постмодернизма, фрагментированный

субъект может быть собран только посредством Другого» [4, с. 68]. Исходя из этого, М. А. Можейко заключает, что «в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в текстологически артикулированную среду, <...> современная версия постмодернизма определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Другому»; в результате «фигура Другого становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта» [4, с. 69].

Заключение. Мощная критика постмодернизмом на почве гносеологического пессимизма основ западной цивилизации, таких как онтологический статус означаемого и бинарная логика мышления, привела к методологической невозможности существования ряда культурных феноменов, являющихся неотъемлемыми в опыте западной цивилизации. Это в свою очередь определило возникновение кризисных процессов в различных областях культуры, в том числе в сфере этического сознания и личностной идентификации.

Одним из путей выхода из создавшегося кризисного положения является коммуникативная программа К.-О. Апеля. Последний, осознавая, что корнем постмодернистского кризиса является объявляющий всякое знание недостоверным гносеологический скептицизм, ставит в рамках своей концепции задачу легитимировать знание. Для этого К.-О. Апель предлагает пересмотреть трансцендентальные основания познания и взамен изолированного субъекта, интерпретирующего знаковую реальность, выдвигает в качестве исходной точки познания коммуникативное сообщество, которое представляет собой неограниченную группу субъектов, объединенных посредством языка. В качестве смыслового и телеологического обеспечения реального коммуникативного сообщества К.-О. Апель выдвигает концепт идеального коммуникативного сообщества, в рамках которого возможны абсолютные познания и взаимопонимание.

Введение понятия идеального коммуникативного сообщества является признаком возвращения в рамках пост-постмодерна к фундаментальной традиционной ценности западноевропейской культуры – гносеологическому оптимизму, позволяющему с надеждой на абсолютное познание истины двигаться по пути когнитивного освоения мира. В свою очередь наличие бинарной оппозиции *реальное* коммуникативное сообщество – *идеальное* коммуникативное сообщество указывает на реактуализацию пост-постмодернизмом принципа антитезы, являющегося универсальным способом мышления западноевропейского культурного мира.

Посредством решения фундаментальных гносеологических проблем К.-О. Апель обеспечивает культуру методологическими средствами для рационального обоснования этической системы, основными регулятивными принципами которой, по его мнению, должны стать сохранение реального коммуникативного сообщества и максимальное приближение к совершенству идеального коммуникативного сообщества. Наряду с решением этических вопросов концепция К.-О. Апеля приводит и к решению проблемы личностной идентификации, поскольку в рамках коммуникативного сообщества идентификационным образцом, позволяющим субъекту обрести свою целостность, становится фигура Другого – коммуникативного партнера.

Таким образом, коммуникативная программа К.-О. Апеля является одним из примеров проявления тенденций пост-постмодернизма, возвращающегося к фундаментальным ценностям западноевропейской цивилизации, таким как гносеологический оптимизм, онтологический статус слова и метод антитетического мышления, что позволяет осуществить в культуре попытку формирования этической системы и решения проблемы личностной идентификации.

1. *Апель, К.-О.* Трансформация философии : сб. / К.-О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 338 с.

2. *Апель, К.-О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // От Я к Другому : сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Менск, 1997. – С. 202–222.

3. *Бернштейн, Р. Дж.* Возрождение прагматизма / Р. Дж. Бернштейн // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 107–120.

4. *Можейко, М. А.* Современные социокультурные трансформации и философия языка пост-постмодернизма: новейшие тенденции / М. А. Можейко // *Культура : открытый формат* – 2011 : сб. науч. работ / науч. ред. М. А. Можейко. – Минск : Белорус. гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – С. 61–71.

5. *Назарчук, А. В.* Ю. Хабермас и К.-О. Апел: два подхода к обоснованию теории общества в современной немецкой философии / А. В. Назарчук // Библиотека РГИУ [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/nasarchuk_ju. – Дата доступа: 26.01.2012.

6. *Назарчук, А. В.* Язык в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля / А. В. Назарчук // Библиотека РГИУ [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/nasarchuk_ja. – Дата доступа: 26.01.2012.

7. *Павленко, А. Н.* Теорема о «затылке» (к вопросу об истоке и границах новоевропейского скептицизма) / А. Н. Павленко // *Вопросы философии*. – 2005. – № 2. – С. 116–129.

8. *Павленко, А. Н.* Является ли «коммуникативная программа» обоснования знания универсальной? / А. Н. Павленко // *Вопросы философии*. – 2009. – № 11. – С. 100–112

9. *Соболева, М. Е.* Возможна ли метафизика в эпоху постмодерна? К концепции трансцендентального прагматизма К.-О. Апеля / М. Е. Соболева // *Вопросы философии*. – 2002. – № 7. – С. 143–154.

I. MAKARENKO

**TO EPISTEMOLOGY AND ETHICS OF POST-POSTMODERN:
THE COMMUNICATIVE PROJECT OF K.-O. APEL**

The article deals with the communicative project of K.-O. Apel as a manifestation of post-postmodern philosophically-cultural turn. The author examines the concept of K.-O. Apel in its two aspects: as a methodological study of the epistemological foundations of knowledge and as a path to a rational justification of ethical regulators in a modern culture. The author points out that the concept of K.-O. Apel in the post-postmodernism is an indicator of the European culture return to such constitutive fundamental values as the epistemological optimism, the ontological status of the word, and the method of antithetical thinking on the basis of the absolute categories.

Дата поступления артыкула ў рэдакцыю: 12.04.2012.